

РИПОЛ
КЛАССИК

I'm.

Ай Эм

Как мы Ирку от смерти спасали

Откуда что взялось, туда и денется без остатка,
 Сквозь перламутр улиц шаг лёгкий
 и невесомый.

Нарисованное пространство
 Подкрадываясь обнимает за плечи,
 До хруста сжимает пальцы,
 Целует в чёрную глазунью
 зрачка.

А в хижине рёбер соревнования
 бабочек на батуте.

Всё радостней и беспощадней
 Мягкий размах их крыл
 Их вибрирующее дрожанье
 Есть стихийное отрицанье

Всего что осталось за кругом
 Но уже просочилось в памяти
 безмятежно дремлющий ил.

Марина Москвина

I'M FOR YOU*

На книжную ярмарку добирались непросто. Рейс на Франкфурт, специальный чартер для российских участников, методично откладывался. Восемь часов цвет нашей литературы фланировал по аэропорту. Многие в преклонных летах, натурально, аксакалы: в зале ожидания запахло валокордином.

Писатель Анатолий Приставкин, кроме всего прочего, советник президента по вопросам помилования, оплот международного движения за отмену смертной казни, позвонил в оргкомитет — выяснить, в чем дело.

Молодой бодрый голос ответил Анатолию Игнатьевичу:

— А что вы хотите? Писатели должны знать жизнь!

Днем позже Эдуард Успенский, глядя на сияющие разноцветными огнями стенды иностранных издательств в сравнении с нашими — в буквальном смысле слова, без огонька, шутил, что у нас другие задачи: нам главное... взлететь.

Во Франкфурте меня поселили в номере со Светланой Василенко, мы спали на широкой супружеской кровати, что нас очень сблизило. Совместное житье во Франкфурте было сюрпризом для российских писателей, но не для всех приятным. Цветущая Настя Гостева очутилась в номере с поэтом Еленой Шварц, одной из ведущих фигур ленинградской неофициальной культуры

* im4u@ — электронный адрес Иры Мелдрис.

1970-х и 1980-х годов, та непрерывно курила, и Настя, глубоко сознавая прану, понимая толк в пранаяме, взбунтовалась.

Поджидая Успенского, чтобы вместе отправиться на ярмарку, я увидела Настю у стойки администратора. Та пыталась объяснить простому немецкому пареньку, что им трудно с Еленой Шварц дышать одним воздухом, и нельзя ли составить иную констелляцию?

Их союз оказался, увы, нерасторжим, так что Настя, огорченная, вышла на улицу, тут очень кстати подоспел Успенский, и я представила ему Гостеву, хотя мы с ней не были знакомы.

— Откуда вы меня знаете? — спросила она сумрачно.

Мир был в раздоре с ней, и она не спешила принимать пальмовую ветвь.

Я выказала искренний восторг ее повестью об Индии «Travel Агнец». И поскольку я старая Герда с огромным опытом растапливания заледеневших сердец, Настя вскоре оттаяла, и мы уже весело шагали втроем, обсуждая, куда бы мне предложить мое собственное скитание по Индии — «Небесные тихоходы».

Недолго думая, Настя решила познакомить меня с Ирой Мелдрис из «Софии», а там, бог даст, и с Олегом Вавиловым.

— И если у вас путешествие не из комнаты в кухню, а — все-таки ПУТЬ, — авторитетно заметила Настя, — это их заинтересует.

Она моментально взяла меня под крыло, хотя по возрасту годится мне в дочери, подобным образом моя соседка в Уваровке, искуснейшая печница Полина, когда мы появляемся с Лёней Тишковым в деревне, регулярно через забор нам передает кастрюли супа.

Ира до вечера была занята, и мы с Настей, прогуливаясь по Набережной Музеев, забрели на выставку живописи обнаженно-го женского тела.

— Какие они теплые, — сказала Настя.

Мы стояли на мосту и глядели, как под нами струился, вздыхал и шевелился Майн, пока не проклюнулся бледный закат, погодка так себе, накрапывал дождь, но Майн честь по чести алел и золотился, с криком носились чайки, ложились крылом на ветер. Пора было ехать на свидание с Иррой.

Не придавая значения этой встрече, я следовала за Настей, как перезрелый птенец, который до конца дней своих будет полагаться на импринтинг (обычно я следую за Лёней по всему миру, а тут мне сам бог послал Настю!). Мы явились первые, по-птичьи устроились на парковочных цепях, и так сидели, покачиваясь, любимое занятие — глазеть по сторонам, в незнакомом городе, аборигены, озабоченные, спешат по своим делам, а ты бездельничаешь и наслаждаешься каждым мгновением.

Настя говорит:

— Вон она идет.

Я обернулась — и тут же увидела ее среди прохожих. Наверное, у всех так бывает — при первой встрече, когда она несет в себе историю любви: ты очень сильно присутствуешь в моменте, хотя все совершается само собой, без усилий, не знаешь даже как. Просто чувствуешь, как начинает другой циркулировать воздух, неуловимое изменение судьбы.

Все исчезает куда-то, остается лишь это существо, источающее свет, больше ничего.

Право слово, она шла так свободно, легко, почти не касаясь асфальта, как будто все тяжести мира, все путы и привязи, и загромождение земли к ней не имели ни малейшего отношения.

Наверное, пропустил ливень, иначе зачем мы зашли в магазин и купили мне зонтик, а заодно каждому по кульку марципанов? Окольными дворами явились в какой-то культурный центр и сделали все от нас зависящее, чтобы как можно дольше усидеть на очень умной лекции по экономике. Однако, разобравшись

с марципанами, Ира произнесла фразу, которая привела меня в восхищение. Она сказала:

— Какой нудный перец!

Мы тихо выскользнули в бар, и неожиданно встретили там давнего поклонника Насти, который на радостях взял нам по пятьдесят абсента.

Мир остановился.

Абсент на людей действует по-разному. Не знаю, как мои спутницы, я, слету приобщенная туйоном к тайнам иных измерений, ощутила гармонию, счастье и полнейшую эмпатию.

Кругом были рассыпаны крошечные чудеса и маленькие улыбки, подающие нам знаки, мы слушали музыку в глубине вещей, веселились, что-то рассказывали друг другу, вибрации проходили сквозь нас, не встречая никаких преград, — лично я этим франкфуртским вечером с большим размахом праздновала «выход из Матрицы», двери моего восприятия были очищены горькой полынью, Сущее, как говорил Уильям Блейк, явилось мне таким, какое оно есть — бесконечным, а понятие времени, итак в моем случае не вполне отстроенное, вконец потеряло всякий смысл.

Поздно вечером возвращались «домой» в метро. Ире — еще ехать и ехать, мы с Настей махнули ей на прощание платком. Поезд тронулся, я обернулась. Ира внимательно и без улыбки смотрела на меня из окна. Так несколько секунд мы серьезно смотрели друг на друга, и если взгляд можно было бы перевести в слова, он означал: это ты — или не ты?

На другой день вместо ярмарки я задумала экскурсию в Ботанический сад. Как-то распогодилось, и на писательский «подиум» выходить не хотелось. К тому же это слово ассоциировалось у меня с одной историей. Дело было в девяностых. Дина Рубина, с юных наших лет чувствуя ответственность за мою

писательскую судьбу, направила меня к израильскому нуворишу по фамилии Зильберштейн, прибывшему в Москву с благородной целью добыть материал для глянцевого издания, учрежденного им с дальним прицелом: чтобы его праздная дочь хоть чем-нибудь занялась кроме околачивания груш. Набоб остановился в «Палас-отеле» на «Киевской», куда я и направила к нему стопы, со своими рассказами подмышкой.

Зильберштейн открыл дверь и, смерив меня глазом, неожиданно произнес:

— Рост?

— Один метр пятьдесят восемь сантиметров, — ответила я, не дрогнув.

— Мало, — он поморщился. — Объем груди? Объем бедер?

Этой информацией я не располагала.

— Ой, ладно, — махнул он рукой. — Давайте ваше портфолио.

Клянусь, я понятия не имела, что это такое.

— Хотя бы фотографии, где вы на подиуме? — настаивал он. — Я же просил принести портфолио!

Тут пришла, видимо, еще одна писательница, ужасно длинная и худая, словно лоза или кипарис. Ни на секунду не удивившись, она оттарабанила свои объемы, и шестое чувство подсказало мне, что параметры этого автора его устроили куда больше, чем мои. Когда же он затребовал портфолио, и она выудила эту штуку из пакета, сомнения развеялись — я попала на кастинг манекенщиц. Дина потом говорила — ну и что? Да, Шмулик Зильберштейн вздумал открыть журнал мод, но там предполагались разные рубрики, я тебя прочила в «детский уголок». Что ты, как дикая серна? Подождала бы еще немного — глядишь, вослед кипарису явилась бы Таня Толстая, она бы ему показала «портфолио»!

Короче, подиум.

А моя Света Василенко: